

ПЕКАРЕВА Виктория Владимировна,
Магистрант юридического факультета
Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург,
e-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru

ПЕЧЕРСКИЙ Даниил Вадимович,
магистрант института правосудия ОЧУВО
«Международный инновационный университет г. Сочи»,
г. Рязань,
e-mail: den.pecherskiu@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: КОМПАРАТИВИСТСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Уголовный Кодекс Российской Федерации (УК РФ) как и любой другой нормативный акт подвержен ряду деформаций, которые требуют логико-рациональных разъяснений. Однако в уголовном законе России отсутствуют нормы, отражающие процедуру толкования законодательных предписаний и разъяснения основным понятиям и терминам, используемые в Кодексе. Этот факт говорит об актуальности исследования зарубежной практики с целью стабилизации внутренних противоречий и исследования перспектив имплементации, в основу которых легли догматические устои уголовных законодательств Республик Армении, Беларусь, Казахстан и Таджикистан. На основе их анализа были выявлены существенные недостатки отечественного уголовного закона: 1) интерпретация терминологии УК РФ в большинстве случаев отражается в разъяснительной практике судов, нежели в самом Кодексе – это факультативно воссоздает нагрузку на правоприменителей с точки зрения нормативной части; 2) отсутствие границ толкования уголовно-правовых предписаний стимулирует применение института «судейского усмотрения», что в некоторых ситуациях искажает смысл норм УК РФ или задает совершенной иной вектор интерпретации, отходящий от воли законодателя; 3) искусственное создание уголовных норм без должного анализа соответствия существующих предписаний текущей действительности, пренебрегая совершенствованием имеющихся норм права, который порой не отражают и не охватывают настоящие общественные отношения. Авторы исследования с целью устранения таких дефектов пришли к выводу, что необходимо имплементировать норму, разъясняющую основные понятия и термины, используемые в Кодексе, а также законодательно закрепить в УК РФ принцип правовой определенности.

Ключевые слова: интерпретация, терминология, компаративистика, текст, правовой тезаурус, уголовное законодательство, цифровизация.

PEKAREVA Victoria Vladimirovna,
Master's student of the Faculty of Law
Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen,
St. Petersburg

PECHERSKY Daniil Vadimovich,
Master's Student at the Institute of Justice
International Innovation University of Sochi,
Ryazan

THE INTERPRETATION OF CRIMINAL LAW PROVISIONS: A COMPARATIVE STUDY

Annotation. The Criminal Code of the Russian Federation (CC RF), like any other legislative act, is subject to a number of ambiguities that require logical and rational clarification. However, Russian criminal law lacks provisions setting out the procedure for interpreting legislative provisions and clarifying the key concepts

and terms used in the Code. This fact highlights the relevance of studying foreign practice with a view to resolving internal contradictions and exploring implementation prospects, based on the dogmatic foundations of the criminal legislation of the Republics of Armenia, Belarus, Kazakhstan and Tajikistan. An analysis of these revealed significant shortcomings in domestic criminal law: 1) the interpretation of the terminology of the Criminal Code of the Russian Federation is, in most cases, reflected in the courts' interpretative practice rather than in the Code itself – this places an additional burden on law enforcement officials from a regulatory perspective; 2) the lack of clear boundaries for the interpretation of criminal law provisions encourages the application of 'judicial discretion', which in some situations distorts the meaning of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation or sets a completely different interpretative direction, deviating from the legislator's intent; 3) the artificial creation of criminal provisions without a proper analysis of whether existing regulations are in line with current realities, whilst neglecting to improve existing legal provisions, which sometimes fail to reflect or cover actual social relations. With a view to rectifying such shortcomings, the authors of the study concluded that it is necessary to introduce a provision clarifying the key concepts and terms used in the Code, as well as to enshrine the principle of legal certainty in the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: interpretation, terminology, comparative studies, text, legal thesaurus, criminal law, digitalisation.

Традиционное представление о смысле уголовно-правовой нормы стоит усматривать при ее буквальном толковании. Однако существующая правоприменительная и судебная практики фактически искажают исходный постулат и расширяют содержания путем факультативных разъяснений. По этому поводу Ч. Беккариа, являющийся автором аутентичного трактата «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.), писал «власть толковать уголовные законы не может принадлежать судьям по одному тому, что они не законодатели» [1, с. 207]. Мнение данного известного специалиста в области уголовно-правовой науки и практики, возможно свести к излишнему субъективизму судебного состава, делегированного правом истолковывать уголовное законодательство. Все цело, изложенная позиция редуцирована к следующему тезису: «у каждого человека своя точка зрения, у каждого в разное время она различна. Дух закона зависел бы, следовательно, от хорошей или дурной логики судьи, от хорошего или дурного его пищеварения, он зависел бы от силы его страстей, от его слабостей, от его отношения к потерпевшему и от всех малейших причин, изменяющих в непостоянном уме человека образ каждого предмета» [1, с. 209-210].

Материал и методы исследования

В этой связи актуализируется вопрос о роли и значении такой методологической категории как «интерпретация» в уголовном праве и законе. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, диалектический, описательный методы, а также подходы теоретического и эмпирического анализа. Интеграция диалектического метода и систематизации позволила эксплицировать структурно-содержательные особенности норм отечественного и зару-

бежного законодательства, что способствовало выработке авторской концепции их практического применения в контексте действующего законодательства.

Результаты исследования и их обсуждение

При толковании уголовно-правовых норм на практике проявляются юридико-технические неточности, которые, с одной стороны, представляются упущением законодателя, а с другой, становятся казуистической формой выражения в судебных решениях. Обе стороны непосредственно влияют на процесс трансформации самого уголовного закона, а также правотворческого потенциала, квалификации преступления, а также доктрины. Именно поэтому необходимо установить границы толкования уголовно-правовых норм, что стабилизирует процесс разъяснения и редуцирует его среди субъектов интерпретации – правоприменителей.

Однако в действующей редакции УК РФ не сосредоточена конструкция, описывающая процесс толкования уголовно-правовых предписаний, включая разъяснения конкретных понятий и терминов. Но такая попытка предпринималась в доктрине уголовного права [5, с. 371-373; 7, с. 118], при этом существенных изменений на практике не было выработано. Если обратить внимание на уголовное законодательство зарубежных стран, то в них такая попытка предпринималась. Например, в ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) отражается термин «строгое толкование», которому «белорусский законодатель» не предоставил разъяснения. Однако, обратив внимание на зарубежную доктрину, заметим, что термин «строгое толкование» эквивалентен буквальному виду интерпретации.

Отсюда следует, что уголовно-правовые нормы Республики Беларусь толкуются в соответствии с буквой закона, заложенной законодателем.

В Уголовного кодекса Республики Таджикистан (УК РТ) в отличие от белорусского законодательства сконструирована отдельная норма (ст. 11.1 «Правила толкования уголовного закона»), где закреплено три части:

1. ч. 1 «Если уголовно-правовая норма изложена двусмысленно или может быть истолкована неоднозначно, то толкование (интерпретация) должно осуществляться в пользу обвиняемого (подсудимого, осужденного)».

В уголовном законе РФ вопросы недвусмысленности и непротиворечивости не находят своего законодательного закрепления в отличие от РТ, однако отечественная разъяснительная практика судов более детализирована в этом вопросе. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) систематически в своих документах указывает, что «критерии ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе правового регулирования приобретают особую значимость применительно к уголовному законодательству ...». Мы разделяем позицию КС РФ, однако возникновение ситуаций, при которых данная судебная инстанция определит неясности и противоречия в уголовном законодательстве не всегда будет происходить процесс истолковывая в пользу лица, совершившего преступления.

При этом возникает сопутствующий вопрос – почему «российский законодатель» технически не может закрепить представленные суждения КС РФ в УК РФ. С одной стороны, очевидный факт – судебная практика не является источником уголовного права, а потому ее внедрение в УК РФ недопустимо. Но, с другой, судебная практика – это базис обобщения для правоприменительной практики, а она, исходя из Постановления КС РФ от 23.12.2013 № 29-П, формально считается источником уголовного права. В этой связи вопрос ее криминализации допустим, но перспективы приближаются к нулевому показателю. Возможно, существует альтернативное решение обозначенной дилеммы: «российскому законодателю» не стоит в полном объеме имплементировать опыт Таджикистана по конструированию отдельной нормы, описывающей правила толкования УК РФ, а лишь дополнить существующие принципы права «принципом формальной определенности», который предполагает согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотворческой, так и в правоприменительной

деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания». Такой подход, с одной стороны, урегулирует коллизии с двусмысленным, неясным и противоречивым состоянием уголовного законодательства, а с другой, упразднит излишнее текстуальное нагромождение в Кодексе.

2. ч. 2 «Термины и (или) понятия, используемые в настоящем Кодексе, имеют такое же значение, какое они имеют в соответствующих законах, если иное не предусмотрено Уголовным кодексом».

Особую роль как в уголовном законодательстве России, так и Таджикистана играет терминологический аппарат, непосредственно влияющий на процесс квалификации преступлений. Сравнивая опыт двух государств, прорисовывается четкая позиция, что уголовный закон Республики Таджикистан опережает российскую практику. Прежде всего такой скачек выражается в наличие самого правила толкования понятий и терминов. В России же разъяснение понятиям и терминам в уголовном законодательстве осуществляется по линии правоприменительной практики. При этом Россию и Таджикистан объединяет общий недостаток – отсутствие нормы, в которой разъясняются основные понятия и термины, используемые в Кодексе.

В Уголовных кодексах Республик Армении (ст. 3 УК РА), Беларусь (ст. 4 УК РБ) и Казахстан (ст. 3 УК РК) законодательно зафиксированы нормы, в контексте которых отражается формирование правового тезауруса. Реализация такого опыта должно протекать в той части, где не предоставлены законодательные дефиниции, при этом учитываются сущности понятий и терминов, зафиксированных в разъяснительной практике судов. Например, в ч. 1 ст. 307 УК РФ содержится термин «заведомо», разъяснение которого отражается в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 20, напротив, в уголовном законодательстве Республики Беларусь данная категория обладает легальной дефиницией в рамках действующего Кодекса (ч. 14 ст. 3 УК РБ). Представленный пример доказывает, с одной плоскости, паритет разъяснительной практики российских судов над догмой (уголовный закон), а с иной, отсутствие унифицированной политики в отношении терминологической системы.

Если углубиться в проблематику терминологии, возможно уяснить, что любой уголовный закон – есть диалектический организм, где каждый элемент системы (Общая и Особенная части) играет непосредственную роль в ходе правоприменения. Конкретная норма, включающая в свое

содержание понятия и термины, представляется основным рупором в плоскости квалификации преступлений и толкования. Более оптимально и корректно процедура квалификации протекает, если соблюдены условия полного обоснования и рационального разъяснения понятиям и терминам, присущим неоднозначная интерпретация (отсутствие полисемии). Вообще, реконструкция правового тезауруса достаточно сложная проблематика, фактически УК РФ наполнен множеством понятий и терминов, имеющих отношение не только к юридической парадигме, в нем концентрируются категории, ведущие вопросами медицины, технического направления, даже присутствует терминология, курсирующая корнями в философию (справедливость – ст.ст. 6, ч. 2 ст. 43 УК РФ, время – ст. 9 УК РФ), теологию (истязание – ст. 117 УК РФ) и кибернетики (критическая информационная инфраструктура – ст.274.1 УК РФ, информационно-телекоммуникационные сети, компьютерная информация - глава 28 УК РФ, функциональные возможности информационного ресурса - ст.274.5 УК РФ). Такой терминологический набор достаточно усложняет применение процедуры унификации.

Возможное нивелирование данной проблемы заключается в перестановке слагаемых: прежде чем произвести унификацию терминологического аппарата следует акцентировать внимание на «пурификации (очищение) излишнего словесного материала, лишь усложняющего пользование законом» [2, с. 39]. Как только понятия и термины, нагромождающие уголовный закон отфильтруются, появится реальная возможность создания правового тезауруса. При этом стоит учитывать терминологию, не имеющую легального толкования в Кодексе, но отсылающей к иным нормативно-правовым актам – бланкетная терминология [4]. Такой вид терминов факультативно воссоздает нагрузку на словесное содержание УК РФ. В данной ситуации следует в норме или нормах сгенерировать примечание, отсылающее к конкретному закону. Эта позиция четко прослеживается в Постановлении КС РФ от 27.05.2003 № 9-П: «Между тем оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона, используемых формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний».

3. ч. 3 «Запрещается придание разных значений одинаковым формулировкам в рамках настоящего Кодекса, если отсутствует специальная оговорка об этом в данном Кодексе».

В дореволюционной России профессор Е. В. Васьковский описывал смысловое содержание ч. 3 ст. 11.1 УК РТ сквозь призму синтактиче-

ского уровня речевого состава [3, с. 41], где акцентируется внимание на корреляцию понятий и терминов в нормативных предписаниях. Достаточно часто при формировании правового текста возникают спорные вопросы при использовании конкретного понятия или термина семантически обособленным и в связи с иными словами в предложении. Зачастую, дефиниция конкретного термина вне текстового фона имеет одно смысловое значение (сему), однако при вклинивании его в сам текст возможна трансформация содержания. Эту позицию высказывал в XIX веке герменевт Ф. Шлейермахер, который писал, что «смысл любого слова в данном месте должен определяться в связи с теми словами, которые его окружают» [9, с. 91]. В этой связи юристам стоит обращать внимание, прежде всего, на легальное толкование понятий или терминов, отраженных в тексте закона, а также их интерпретации в правоприменительной практике. При отсутствии официального разъяснения необходимо выделить семантику слова вне текстового уровня, изучить его этимологию и практику применения, впоследствии установить трансформируется ли сущность понятия или термина при их корреляции с иными словами в предложении.

В определенной степени формулировку, заложенную в ч. 3 ст. 11.1, возможно исследовать через полемичную терминологию. Но более корректно в данной ситуации этот вопрос курсировать в ч. 2 ст. 11.1 УК РТ и изучить его содержание в ней. Между тем, в конструкции ч. 3 указанной статьи присутствует термин, относящийся к контексту юридической техники: «оговорка», которая и становится элементов противоречия. Норма четко регламентирует недопустимость идентичных формулировок в текстовой плоскости, однако, как ни странно, существует исключение из правил, то есть «специальная оговорка». Смысл ее отражение в тексте УК РТ, если правила толкования требует императивности (установление границ) для избежания искажения содержания уголовно-правовых норм, заложенных волей законодателем. Один из ведущих философов и правоведов эпохи Просвещения Ш. Монтескье в своем трактате «О духе законов» писал, что «законы не должны вдаваться в тонкости; они предназначаются для людей посредственных и содержат в себе не искусство логики, а здравые понятия простого отца семейства. Когда закон не нуждается в исключениях, ограничениях и видоизменениях, то всего лучше обходиться без них. Такие подробности влекут за собою новые подробности. Не следует делать изменений в законе без достаточного к тому основания» [6, с. 546].

По нашим подсчетам, оговорок в УК РФ насчитывается 415 (союз «если»), но не все они

обладают юридико-техническими недостатками, некоторые из них действительно значимы для процесса квалификации, но факт их наличия уже говорит о нестабильном состоянии Кодекса. В некоторых ситуациях оговорка может обретать форму «судейского усмотрения». Так, ст. 63 УК РФ представляет исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств, неподлежащих расширительному толкованию. Однако ч. 1.1. вышеупомянутой статьи предлагает дополнительные отягчающие обстоятельства, применяемые к субъекту преступления на основании судебного усмотрения. Эта ситуация объективно показывает дихотомическое противоречие в самом Кодексе: с одной стороны, отягчающие обстоятельства не подлежат расширительному толкованию, поэтому никто, кроме законодателя не обладает правом новеллизации данной нормы, а с другой, сам правотворец (законодатель) делегирует судьям правом усмотрения. С точки зрения юридической техники, суждения законодателя, представленные в ч. 1.1. ст. 63 УК РФ являются оговоркой, в этой связи остается не ясным смысл ее наличия, если существует возможность закрепить этот перечень в ч. 1 указанной нормы.

Все цело, комплексный анализ законодательств зарубежных стран по вопросу интерпретации уголовно-правовых предписаний, с одной стороны, позволяет расширительно взглянуть на сложившуюся проблематику в отечественном уголовном законодательстве, выявить все недостающие звенья, которые скорректируют работу правоприменителя и, в определенной степени, послужат толчком для правотворческой инициативы. С другой стороны, компаративистика является «прямой» методологией для имплементации уголовно-правовых норм в УК РФ, которая также сможет стабилизировать процесс толкования.

Но при всей прагматичности сравнительного правоведения необходимо учитывать несколько составляющих. Во-первых, вопросы разъяснения (толкования, интерпретации) в зарубежных странах и их законодательств носит легально-зафиксированный характер, в отличие от российской практики. Отечественное уголовное законодательство в сфере толкования и изложения терминологии в большей части определяется сквозь призму разъяснения судебных инстанций, что уже насаждает факультативные документы при работе с текстом УК РФ. Во-вторых, реализации компаративистика в отношении интерпретации уголовно-правовых норм следует произвести только в том случае, когда «российский законодатель» сам наладит процесс построения терминологии и толкования в ходе правотворческой деятельности. Этот вопрос в доктрине более детально рассматривал профессор Ю. А. Туранин, который призывал пересмотреть

методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов, а также Постановление Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов», в части, затрагивающей вопросы терминологии [8, с. 13]. В частности, при формировании нормативно-правового акта проводится антикоррупционная экспертиза, где следует уделить пристальное внимание юридико-лингвистической неопределенности – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера (п. в ч. 4 Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96). Исключительно после таких действий возможен позитивный окрас в контексте реализации и имплементации правового тезауруса, а также правил толкования в УК РФ.

Список литературы:

- [1] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 207; с. 209-210.
- [2] Бойко А.И. Системная среда уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2008. 49 с. С. 39
- [3] Васильковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М., 1913, с. 41
- [4] Кострова, М. Б. Бланкетные термины в уголовно-правовых предписаниях / М. Б. Кострова // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сборник научных трудов / Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов: Сателлит, 2008. – С. 95-101
- [5] Мадьярова А.В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2002. 405 с. С. 371-373
- [6] Монтескье, Шарль Луи О духе законов / Шарль Луи Монтескье; [пер. на рус. яз. А. Горнфельда; вступит. ст. Д. Хаустова]. — М., 2019. С. 546
- [7] Панченко П.Н. Законодательная техника как фактор системности законов (на примере уголовно-правовой проблематики) // Юридическая техника. – 2008. – № 2. С. 114-119. С. 118
- [8] Туранин Ю. А. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. Белгород, 2017. 48 с. С. 13.
- [9] Ф. Шлейермахер. Герменевтика. – Перевод с немецкого А.Л. Вольского. Научный редактор \ Н.О. Гучинская. – СПб.: «Европейский Дом». 2004. – 242 с.

References:

[1] Beccaria C. On crimes and punishments. M., 1939. S. 207; c. 209-210.

[2] Boyko A.I. Systemic environment of criminal law: abstract. diss.... Dr. Jurid. sciences. M. 2008. 49 pp. P. 39

[3] Vaskovsky E.V. Guide to the interpretation and application of laws: for novice lawyers. M., 1913, p. 41

[4] Kostrova, M. B. Blanket terms in criminal law prescriptions/M. B. Kostrova//Criminal law prohibition and its effectiveness in the fight against modern crime: collection of scientific papers/Saratov State Law Academy. - Saratov: Satellite, 2008. - S. 95-101

[5] A.V. Magyarova. Explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in the

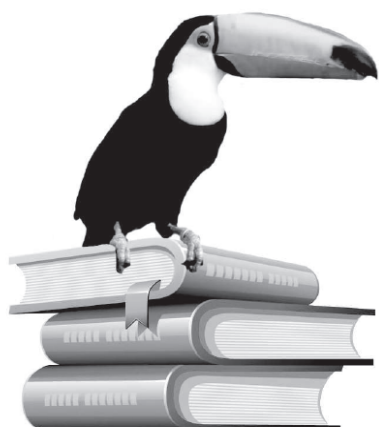
mechanism of criminal law regulation. - St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2002. 405 pp. P. 371-373

[6] Montesquieu, Charles Louis On the Spirit of Laws/Charles Louis Montesquieu; [trans. In Russian. A. Gornfeld; will enter. Art. D. Khaustova]. - M., 2019. S. 546

[7] Panchenko P.N. Legislative technology as a factor in the consistency of laws (on the example of criminal law issues)//Legal technology. - 2008. - № 2. S. 114-119. S. 118

[8] Yu. A. Turanin. Legal Terminology in Modern Russian Law: Abstract. diss.... Dr. Jurr. sciences. Belgorod, 2017. 48 pp. P. 13.

[9] F. Schleiermacher. Hermeneutics. - Translated from German by A.L. Volsky. Scientific Editor\N.O. Guchinskaya. - St. Petersburg: "European House." 2004. - 242 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.